

Послѣ моего возвращенія изъ части войскъ, я былъ назначенъ на
1533 проводъ. Въ одно изъ подежурствъ, не помню только числа, мнѣ
пришлось узнать кое-что про чиновника, впоследствии оказавшагося Пу-
цятю. Работы въ этотъ день у меня не было. Дѣлать было нечего. Часа
въ три вызываетъ Кошъ-Агачъ заявляетъ пробу и спрашиваетъ: "Кто Вы."
Думая, что это ему нужно, я назвалъ свою фамилію. Кошъ-Агачскій дежур-
ный начинаетъ меня расспрашивать: все ли спокойно. Можно, нѣтъ проѣ-
хать по желѣзной дорогѣ до Омска, въ какіе дни ходятъ поѣзда. Отвѣта
на заданные вопросы, конечно, не получилъ отъ меня. Сказавъ: " жаль "
Кошъ-Агачъ попросилъ кого либо или мнѣ самому узнать на вокзалѣ, такъ
какъ ему это необходимо. На мой вопросъ: "для кого я долженъ это сдѣ-
лать", онъ заявляетъ, что назвать себя онъ не можетъ, потому что "тогда
ты побѣжишь въ милицію." Будучи любопытнымъ я не могъ удержаться,
чтобы не спросить его, что онъ за важная такая персона, которую мили-
ція постарается поймать. Фраза его, какъ думаю и многихъ на моемъ мѣ-
стѣ меня заинтересовала до крайности. Желая удовлетворить свое любо-
пытство я попросилъ его не бояться, что побѣгу въ милицію и сказать:
кто онъ. Тогда Кошъ-Агачъ сказалъ: " Я могу сказать Вамъ кто я только
въ томъ случаѣ, если Вы дадите мнѣ свое честное слово въ томъ, что не
скажете никому о мнѣ до тѣхъ поръ пока я нахожусь въ Кошъ-Агачѣ. Когда
я отсюда выѣду, тогда можете говорить кому угодно, а десятаго сентяб-
ря я приду къ Вамъ на квартиру; итакъ даете ли Вы слово. Любопыт-
ство порокъ человѣка, а потому имѣя его и я и желая во чтобы то ни
стало удовлетворить его, я далъ слово. Кошъ-Агачъ говоритъ: "Я вѣрю
Вашему слову и потому откроюсь не скрывая ничего; слушайте меня до
конца, но не перебивайте" Я тотъ, который два года тому назадъ поте-
рялъ своихъ дорогихъ папу и маму и сестеръ. Я тотъ, который былъ
заключенъ въ Тобольскую тюрьму. Я тотъ, который несмотря на свои моло-
дые годы долженъ былъ выносить всяческія униженія и оскорбленія.
Я тотъ, который съ помощью друзей бѣжалъ, въ концѣ концовъ изъ Тоболь-
ска, воспользовавшись чьими то документами, кое какъ выучился рабо-
тать на аппаратѣ, выдержалъ экзаменъ и былъ назначенъ чиновникомъ
въ Кошъ-Агачъ. Я цесаревичъ Алексѣй. Вы не можете себѣ представить,

что только я вытерпѣлъ. Всѣ мои коллеги по службѣ удивлялись, когда я при каждомъ бранномъ словѣ падалъ въ обморокъ и въ теченіе многихъ минутъ лежалъ безъ движенія. Я не могъ видѣть когда начинали при мнѣ вѣсть съ ножа, руками, или раздавлиали муху." Больше слушать я не сталъ, а перебилъ его и сказалъ: "Вы плетете какую то ересь, вѣроятно сами не соображаете, что говорите, это походить больше на бредъ съ ума шедшаго человѣка, чѣмъ на дѣйствительность." Дальше я далъ ему отбой и закрылъ ленту. Принимая все сказанное Кошъ-Агачскимъ чиновникомъ за ерунду и дурачество послѣдняго, я не придавалъ его словамъ никакого значенія, а потому, само по себѣ вышло, что я сдержалъ данное ему слово. Черезъ долгое уже время, когда онъ далъ телеграмму на имя Верховнаго Правителя Адмирала Колчакъ, онъ опять сказалъ: "Вѣришь нѣтъ теперь моимъ, ранѣ сказаннымъ тебѣ, словамъ, я далъ телеграмму въ Омскъ, а пока тороплюсь домой, такъ какъ мнѣ долго оставаться въ конторѣ опасно" Теперь я скажу фамилію подъ которой я здѣсь живу, а именно: "Алексѣй Пуцято." Больше говорить мнѣ съ нимъ не приходилось. 24-го сентября въ ночное дежурство, въ Кошъ-Агачѣ, кажется, дежурилъ Пуцято, такъ какъ на вопросъ, кто принялъ мною переданныя депеши, Кошъ-Агачскій дежурный не назвалъ свою фамилію, сказавъ: "Это тебя не касается", послѣ скажу, когда кончимъ работу " Я он." Больше ничего не сказалъ. Вотъ все, что я знаю про чиновника Пуцято, сказалъ все, что онъ мнѣ говорилъ. Личности его я не знаю, никогда не видалъ, давно ли служить и откуда онъ для меня тоже неизвѣстно. Вообще я узналъ его только послѣ приѣзда изъ солдатъ, во время его разговора. Больше о немъ ничего не знаю.

Почтово-телеграфный чиновникъ 5-го разряда М. Семеновъ.

Семеновъ
М. Семеновъ